

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЮ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени Г.Р. Державина»

XVII

Державинские чтения

**АКАДЕМИЯ
ГУМАНИТАРНОГО
И СОЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Материалы
Общероссийской научной конференции

Февраль 2012 года

Тамбов 2012

ЕСТЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1830-1840-е гг.¹

В.В. Канищев*, Ю.Ю. Коньшина**

*Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

**Тамбовская областная научная библиотека им. А.С. Пушкина

Период 1830-1840-х является особым в демографической истории России в том смысле, что он связан с давно обсуждаемой, но пока не решенной проблемой «вымирания» крепостного крестьянства. На наш взгляд, нерешенность вопроса связана с тем, что предшествующие исследования, в том числе новейшие [1], были основаны на материалах ревизских переписей, которые являются не самым подходящим источником для изучения естественного прироста населения. Ревизии фиксировали только изменения численности податного населения.

Однако эти изменения предопределялись не только естественной разницей между родившимися и умершими в межревизский период, но и механическим движением (переселением крестьян помещиками и государством, призывом рекрутов, покупкой, продажей, дарением крепостных и т.д.), а также выходом частновладельческих крестьян в вольноотпущенники, переходом их и других категорий крестьян в иные сословия и межсословные группы. В ревизских сказках отсутствуют самые объемные данные для вычисления естественного прироста – сведения о родившихся и умерших между ревизиями младенцах и детях, а для длинного периода между 8-й и 9-й ревизиями еще и подростков до 16 лет, а также девушках, нередко к этому возрасту вступивших в брак.

Наиболее соответствующим источником для более-менее точного определения естественного движения населения (рождаемости, смертности, естественного прироста) являются метрические книги церковных приходов. Именно с 1830-х гг. в связи с новыми требованиями законодательства метрики должны были фиксировать младенческую смертность (во многом предопределявшую естественный прирост). С этого периода метрические материалы становятся достаточными надежными источниками для изучения основных тенденций и механизмов демографических процессов [2].

---

¹ Статья подготовлена по результатам НИР по Государственному контракту № 14.740.11.0206 от 15 сентября 2010 г. в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.

В упомянутой дискуссии о «вымирании» крепостного крестьянства, в том числе и в самых новых публикациях, основным фактором сокращения его численности большинством историков объявлялось усиление барщинной эксплуатации. У нас такое утверждение вызывает сомнение, прежде всего, с точки зрения здравого смысла, который не позволяет поверить, что хитроватый и «сачковатый» русский крепостной крестьянин работал на барщине до такого изнеможения, что это влияло на демографические процессы.

И все-таки упование на здравый смысл явно недостаточно для конкретно-исторического исследования. Главная аргументация нашей статьи построена на анализе метрических сведений о рождаемости, смертности, естественном приросте в 20 сельских приходах и Тамбовской губернии в целом, отраженных в таблицах 1-4.

Таблица 1

**Естественное движение населения Тамбовской губернии
в 1834-1850 гг.**

Годы	Родилось	Умерло	Естественный прирост
1834	72707	40874	31833
1835	75173	49384	25789
1836	82427	49485	32942
1837	81945	46585	35360
1838	79734	51233	28501
1839	87577	58353	29224
1840	64931	66760	-1829
1841	73677	77421	-3744
1842	66980	86521	-19541
1843	71502	67080	4422
1844	79135	51492	27643
1845	79263	46082	33181
1846	80452	46653	33799
1847	81588	56505	25083
1848	нет свед.		
1849	75836	60549	15287
1850	95100	61996	33104

Источник: Сборник материалов для описания Тамбовской губернии. Составил Л. Восейков. СПб., 1872. С. 57, 58.

Таблица 2

**Число рождений
в некоторых сельских приходах Тамбовской губернии
в 1834-1850 гг.**

Уезд	Приход	1834	1835	1836	1837	1838	1839	1840	1841	1842	1843	1844	1845	1846	1847	1848	1849	1850
Кирсановский	Ала-торка	-	33	35	42	35	-	30	28	24	27	30	34	38	25	20	23	30
Кирсановский	Верде-ревщи-на	64	65	106	95	-	108	81	69	73	78	81	94	103	86	104	86	89
Кирсановский	Вышен-ка	75	66	108	95	105	112	77	88	59	68	76	94	104	90	91	88	112
Кирсановский	Калуги-но	206	238	254	281	239	285	217	238	-	-	233	237	231	289	251	216	329
Кирсановский	Лукино	207	183	207	191	204	211	171	188	155	154	199	194	190	213	201	139	246
Кирсановский	Рудов-ка	109	184	202	166	169	189	123	127	99	123	132	140	167	158	166	163	198
Козловский	Краси-вое	92	76	83	66	72	88	-	63	76	58	72	54	81	74	94	89	92
Козловский	Малые Пупки	162	208	174	-	165	189	176	121	133	152	182	191	92	209	203	167	236
Козловский	Ново-спас-ское	65	44	51	56	41	58	52	61	47	59	55	76	82	82	91	76	105
Козловский	Турма-сово	56	61	65	75	59	90	55	67	66	72	81	54	79	70	79	89	81
Моршанский	Бай-ловка	58	44	80	66	55	78	49	57	21	63	49	61	-	57	59	63	48
Моршанский	Крюко-во	56	44	98	70	66	71	56	41	42	51	43	47	49	46	56	55	74
Моршанский	Гумны	-	33	54	32	48	46	35	37	30	24	52	39	41	42	42	37	46
Моршанский	Со-кольни-ки	92	-	126	99	114	96	77	77	77	59	-	81	78	72	97	71	96
Моршанский	Раево	127	123	138	133	129	105	95	127	91	108	134	132	134	151	136	139	167
Тамбовский	Гря-зуша	238	321	322	310	467	351	224	243	230	271	334	295	335	253	-	295	159
Тамбовский	Б. Липов-ца	177	180	221	227	200	208	184	140	158	147	180	184	182	194	186	157	212
Тамбовский	Зна-менка	194	182	245	186	-	-	164	196	141	-	168	204	185	235	-	178	254
Тамбовский	Кузь-мино-Гать	82	-	-	-	91	-	81	74	61	66	78	69	96	75	-	85	103
Тамбовский	Пахот-ный Угол	-	101	-	151	140	133	95	115	103	116	137	133	113	112	125	97	139

Таблица 3

**Число смертей
в некоторых сельских приходах Тамбовской губернии
в 1834-1850 гг.**

Уезд	Приход	1834	1835	1836	1837	1838	1839	1840	1841	1842	1843	1844	1845	1846	1847	1848	1849	1850
Кирсановский	Ала-торка	-	26	8	35	50	-	24	34	44	44	47	13	17	18	39	9	14
Кирсановский	Верде-ревщи-на	27	34	47	79	-	80	127	152	178	135	54	120	54	60	178	75	54
Кирсановский	Вы-шен-ка	42	29	51	39	93	75	73	57	94	77	70	29	47	80	80	59	52
Кирсановский	Калуги-но	194	108	146	173	189	175	300	300	-	-	214	133	131	210	220	255	242
Кирсановский	Лукино	118	143	89	120	93	195	184	234	177	172	89	76	135	115	213	254	131
Кирсановский	Рудов-ка	79	96	99	87	188	111	167	159	248	179	48	51	75	60	125	110	91
Козловский	Краси-вое	44	61	55	54	56	87	-	85	72	45	56	41	59	65	115	65	71
Козловский	Малые Пупки	56	69	85	-	92	107	97	191	160	230	74	92	55	152	130	93	93
Козловский	Ново-спас-ское	32	23	63	19	53	39	53	54	31	47	43	59	31	69	94	43	61
Козловский	Тур-масо-во	18	34	47	36	29	60	64	68	64	41	52	45	38	99	117	43	32
Моршанский	Байлов-ка	35	28	53	33	39	63	-	-	53	55	53	53	-	56	123	48	44
Моршанский	Крюково	-	48	62	50	38	54	41	34	35	44	41	20	17	40	47	43	43
Моршанский	Гумны	-	13	26	16	17	22	27	40	27	27	32	28	37	48	30	18	20
Моршанский	Соколь-ники	41	-	104	60	75	86	67	70	70	53	-	66	69	87	80	39	70
Моршанский	Раево	24	34	47	28	29	54	28	117	166	167	68	63	70	82	272	111	77
Тамбовский	Грязну-ша	84	284	126	104	239	185	215	182	216	150	125	198	93	120	-	328	139
Тамбовский	Б. Липовица	63	91	103	97	105	114	127	131	193	169	108	105	115	92	250	120	108
Тамбовский	Знамен-ка	148	184	162	95	-	-	172	233	213	-	164	153	198	170	-	216	182
Тамбовский	Кузь-мино-Гать	50	-	-	-	31	-	38	104	102	89	47	61	51	45	-	64	69
Тамбовский	Пахот-ный Угол	-	40	-	60	89	131	92	106	75	92	88	72	96	97	131	85	72

Таблица 4

**Естественный прирост в некоторых сельских приходах
Тамбовской губернии в 1834-1850 гг.**

Год	Государственные крестьяне							Смешанные крестьяне					Владельческие крестьяне							
	Вышенка	Грязнуша	Крокосово	Кузым. Гать	Мал. Пулки	Пахот. Угол	Рудовка	Турмасово	Лукино	Б. Липовица	Калугино	Красное	Сокольников	Алаторка	Байговка	Вердеревицина	Гумны	Знаменка	Новостасков	Раево
1834	33	154	-	32	106	-	30	38	89	114	12	48	51	-	23	37	-	46	33	78
1835	37	37	-4	-	139	61	88	27	40	89	130	15	-	7	16	31	20	-2	21	93
1836	57	196	36	-	89	-	103	18	118	108	108	28	22	27	27	59	28	83	-12	91
1837	56	206	20	-	-	91	79	39	71	130	108	12	39	7	33	16	16	91	37	105
1838	12	228	28	60	73	51	-19	30	111	95	50	16	39	15	16	-	31	-	-12	100
1839	37	166	17	-	82	2	78	30	16	94	110	1	13	-	15	28	24	-	19	51
1840	4	9	15	43	79	3	-44	-9	-13	57	-83	-	10	6	49	-46	8	-8	-1	67
1841	31	61	7	-30	-70	9	-32	-1	-46	9	-62	-22	7	6	57	-83	-3	-37	7	10
1842	-35	14	7	-41	-47	28	-149	2	-22	-35	-	4	7	20	-32	-105	3	-72	16	-75
1843	-9	121	7	-23	-78	24	-56	31	-18	-22	-	13	6	-17	8	-57	-3	-	12	-59
1844	6	209	2	31	108	49	84	29	110	72	19	16	-	-17	-4	27	20	4	12	66
1845	65	97	27	8	99	61	89	9	118	79	104	13	15	21	8	-26	11	51	17	69
1846	57	242	32	45	37	17	92	41	55	67	100	22	9	21	-	49	4	-13	51	64
1847	10	133	6	30	57	15	98	-29	98	102	79	9	-15	7	1	26	-6	65	13	69
1848	11	-	9	-	83	-6	41	-38	-12	-64	31	-11	17	-19	-64	-74	12	-	-3	-136
1849	29	-33	12	21	74	12	53	46	-115	37	-39	24	32	14	15	11	19	-38	33	28
1850	60	20	31	34	143	66	107	49	115	104	87	21	26	16	4	35	26	72	44	90
Итого	461	1860	252	210	974	483	642	312	715	1036	754	209	278	114	172	-72	210	242	287	711

Данные по 10 приходам были введены тамбовскими историками в научный оборот ранее, по другому десятку они выявлены и проанализированы впервые. В целом приведенные в таблицах данные подтвердили наблюдения В.Л. Дьячкова о природно-демографических ритмах в аграрном обществе, которые были сделаны на материалах первого десятка [3]. В частности, они подтвердили наблюдение о резком снижении числа рождений под сильные неурожайные годы, особенно в 1840 г. в сравнении с 1839 г., когда такое снижение произошло во всех 17 известных по числу рождений приходах (табл. 2). При этом почти в половине приходов число рождений в это трехлетие 1840-1842 гг. опускалось значительно ниже среднего, «трендового» уровня. Эти годы дали минимум числа рождений, значительно ниже среднего за весь период, и по губернии в целом (табл. 1).

Но все-таки у крестьянской рождаемости периода 1830-1840-х гг. имелись и свои особенности, не всецело связанные с природными процессами. Особенно отметим то, что в 14 из 20 приходов рождаемость во все остальные 1830-1840-е гг. развивалась равномерно, полностью соответствуя средним показателям или демонстрируя только в 1-2 года

резкие отклонения к минимуму. Думаем, что это было отражением в целом устойчивого социально-экономического состояния Тамбовского крестьянства в эти десятилетия, особенно их нормального питания во все годы, кроме сильно неурожайных.

Более того, ряд сел (Грязнуша, Большая Липовица, Байловка, Раево) продемонстрировали самые высокие пики рождаемости за всю первую половину XIX в. или даже за весь период XIX – начала XX в. Правда, только в первом случае можно уверенно предполагать, что сказывались условия недавно основанного села с большой долей молодого населения и достатком земли. Во остальных трех случаях сказались какие-то местные обстоятельства, требующие дополнительного изучения.

Напротив, в двух приходах в 1830-1840-е гг. наблюдалась самая пониженная рождаемость за вековой период XIX – начала XX в. В с. Кузьмино-Гать это проявилось во все годы изучаемого времени (кроме 1850 г.), в с. Крюково – в 1841-1849 гг. В первом случае пониженное число рождений, вероятнее всего, было связано с преодолением аграрного перенаселения старинного села, которое уже в XVIII в. испытывало избыток жителей и в последующие десятилетия давало «выбросы» молодых переселенцев в южную часть Тамбовской губернии, во второй случае – с оттоком молодежи в соседний уездный город Моршанск, который в первой половине XIX в. бурно развивался как хлебный порт, требовавший большого числа работников.

Отразившиеся в таблице 3 показатели смертности в целом и главным совпадают с моделью 28-летнего природно-демографического цикла, предложенной В.Л. Дьячковым, в которой 1840-1842 и 1848 гг. классифицируются как «смертные». Более того, в приходах с. Знаменка, Калугино, Малые Пупки на эти годы пришлись самые большие пики смертности за всю историю метрической регистрации. С другой стороны, немало тамбовских сел пережило тяжелые годы неурожая без резкого повышения смертности. В 1840 г. такое положение зафиксировано в 11 из 18 известных по этому показателю приходах, в 1841 г. – в 8 из 19, 1842 г. – в 9 из 19, в 1848 г. – 9 из 17 (табл. 3). Такое можно объяснить только одним обстоятельством – во многих крестьянских хозяйствах имелись очень большие запасы зерна, достаточные, чтобы пережить сильные неурожай в течение нескольких лет. И все-таки эти села были не совсем типичны для губернии в целом, где 1840-1843 гг. дали резкое повышение смертности (табл. 1). Отличие общегубернских данных, возможно, связано с тем, что в них присутствовали материалы и по северным, относительно бедным уездам Тамбовской гу-

бернии, которые могли тяжелее переживать голодные годы в сравнении с крестьянами сел центральной и южной части Тамбовщины, попавшими в нашу выборку.

Важнейшим интегральным показателем естественного движения населения является баланс рождаемости / смертности – естественный прирост. Таблица 4 показывает, что во всех изученных на данный момент приходах и Тамбовской губернии в целом в 1834-1850 гг. крестьянство пережило от одного до шести кризисных лет, когда прирост был отрицательным. В наименьшей мере такие кризисы имели место в приходах государственных крестьян (один-два года в четырех из восьми случаев). И все-таки в казенных с. Кузьмино-Гать и Малые Пупки три раза годовой естественный прирост принял отрицательные значения, а в с. Рудовка и Турмасово кризисных лет оказалось по четыре. В приходах, состоявших из смешанных по принадлежности категорий крестьян, в трех из пяти случаев наблюдалось от трех до шести годичных демографических кризисов. Во владельческой деревне годы с отрицательным естественным приростом также повторялись чаще, чем в государственной деревне – во всех семи приходах три и более раз.

И все же подавляющее большинство приходов в сумме за весь период 1834-1850 гг. имело положительный показатель естественного прироста – 19 из 20 случаев. Только в приходе владельческих крестьян с. Вердеревщина Кирсановского уезда изучаемый период в целом закончился отрицательным естественным приростом.

Микродемографический анализ указывает на «пестроту» кризисных лет. В 1834, 1837, 1839, 1850 гг. ни в одном из изученных приходов не отмечался отрицательный прирост. В 1835, 1836, 1838, 1844-1847 гг. случаи превышения числа смертей над числом рождений имели место в одном-трех приходах. 1840-1843, 1848 гг. оказались кризисными более чем в двух третях приходов, продемонстрировав либо отрицательный прирост, либо прирост населения значительно ниже среднего за период, а порой и за многие десятилетия. В общегубернской статистике также 1840-1842 гг. имели отрицательный прирост числа жителей, а 1843 г. – очень маленький положительный прирост. У нас пока нет данных по 1848 г. Но учитывая известный факт широкого распространения холеры в Тамбовской губернии в том году, можно предполагать превышение смертности над рождаемостью.

Таблица 4 никак не указывает на связь демографических процессов с социальными различиями внутри крестьянства. Во всяком случае, очевидно, что затяжной характер кризисных лет с отрицательным

и очень малым естественным приростом на три-четыре года в первой половине 1840-х гг. проявлялся в приходах и казенных, и владельческих крестьян, и в смешанных поселениях. Эти факты лишней раз подводят к мысли о том, что барщина вряд ли оказывала особое влияние на рассматриваемые процессы. Природный фактор в наибольшей мере предопределял демографическое поведение всего «сидячего», занятого земледелием крестьянства вне существенной зависимости от его внутрисословных категорий.

Особо следует учитывать такой природный фактор, как распространенность в изучаемый период эпидемий, усиливавших смертность ослабленных недоеданием крестьян, о чем впервые на российском материале стал писать американский историк С. Хок [4]. Утверждения С. Хока о громадной роли эпидемий в демографическом поведении крестьянства подтверждаются собранными тамбовскими историками десятками тысяч метрических записей о причинах смертей крестьян нескольких приходов разных природно-географических частей Тамбовской губернии и разной владельческой принадлежности. В этих записях мы не единожды не встретили прямых упоминаний о смертях от голодного истощения. Зато чуть ли не ежегодно в каждом из приходов массово проявлялись те или иные эпидемические заболевания [5]. Эти наблюдения подтверждает и характерная фраза из выявленной недавно в библиотеке ТГУ анонимной рукописи «О Тамбовской губернии» 1830-х гг.: «(В губернии) Кровавый понос, цынга, скарлатина, оспа, корь, коклюш, нервная и гнильня горячки обнаруживаются нередко повально местами» [6].

Приведенные в нашей статье факты во многом подтверждают выводы Н.А. Жирова относительно разных категорий крестьян Орловской и Тульской губерний и более широкие наблюдения С.А. Нефедова о серьезных «сбоях» в естественном приросте крепостного крестьянства Европейской России в 1830-1840-е гг. Но мы подчеркиваем, что этот кризис коснулся не только крепостных, но проявился во всех внутрисословных группах крестьянства.

Примечания

1. Нефедов С.А. О причинах демографической стагнации в России накануне отмены крепостного права // Вопросы истории. 2010. № 8. С. 78-81; Рянский Л.М. Источниковедческий анализ – фундамент исторического исследования // Вопросы истории. 2011. № 5. С. 121-122.
2. Подр. см.: Дьячков В.Л., Канищев В.В., Орлова В.Д. Место метрических книг в комплексе источников по исторической демографии России XVIII –

начала XX вв. // *Материалы церковного приходского учета населения как историко-демографический источник*. Барнаул, 2007. С. 48-84.

3. Дьячков В.Л. Труд, хлеб, любовь и космос или о факторах формирования крестьянской семьи во второй половине XIX – начале XX в. // *Социально-демографическая история России XIX-XX вв.* Тамбов, 1999. С. 72-82; Его же. Деревня, город, государство и российские революции // *Взаимодействие государства и общества в контексте модернизации России*. Конец XIX – начало XX в.: сб. науч. ст. Тамбов, 2000. С. 93-114 и др.

4. Хок С.Л. Голод, болезни и структура смертности в приходе Борщевка, Россия, 1830-1912 гг. // *Социально-демографическая история России в XIX-XX вв. Современные методы исследования*. Тамбов, 1999. С. 3-18.

5. Dyatchkov V., Kanitshev V., Mizis Y. [and others]. Cohort analysis of Malye Pupky's population: Some preliminary results // *Where the twain meet. Dutch and Russian regional development in a comparative perspective. 1800-1917*. Groningen / Wageningen, 1998; Кончаков Р.Б. Демографическое поведение крестьянства Тамбовской губернии в XIX – начале XX в. Новые методы исследования: дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2001; Морозова Э.А. Особенности социально-демографического облика населения торгово-промышленного села в первой половине XIX в. (на примере села Рассказово Тамбовской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003; Akolzina M., Diachkov V., Kanishchev V. [and others]. A comparison of cohort analysis and other methods of demographic microanalysis used in studying the Tambov region // *Where the twain meet again. New results of the Dutch-Russian project on regional development. 1780-1917*. Groningen / Wageningen, 2004.

6. О Тамбовской губернии [Рукописное текст]. 1838. С. 6.

МЕТРИЧЕСКИЕ КНИГИ КАК ИСТОЧНИК ПО СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ГОРОДОВ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

М.К. Акользина

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Метрические книги, в которых регистрировались акты гражданского состояния, представляет собой наибольшую по объему и важнейшую по значению группу источников церковной статистики. «Метрические ведомости о числе родившихся, сочетавшихся браком и умерших» охватывали постоянное приходское население. В приходе велись два экземпляра метрических книг установленной формы. Один хранился в приходе, а второй по мере окончания отправляли в консисторию. Российские ученые, проводившие микроисследования на основе метрик считают этот источник достаточно надежным [1].

Сводные метрические ведомости по России в целом, составлявшие до 1867 г. в Синоде, постоянно используются историками и демографами. Сведения за 1796-1866 гг. оцениваются ими как малодостоверные. Б.Н. Миронов считает, что причина плохой репутации данных за этот период – их неполнота и неточность. Неполнота обуславливалась тем, что приходские священники, составлявшие метрические книги, плохо или совсем не учитывали мертворожденных, незаконно-рожденных детей старообрядцев и сектантов, а также всех родившихся, умерших и вступивших в брак вне своего прихода. Неточность происходила оттого, что обобщение приходских сведений в консисториях осуществлялось недостаточно качественно.

Однако достоверность сводных данных за XIX в. никогда серьезно не проверялась. Впервые такую проверку провел Б.Н. Миронов. По его мнению, метрический учет достиг минимальной для научного анализа точности только к 1830-м гг., так как именно с этого времени соотношение различных демографических показателей (особенно о рождаемости и смертности) стало достаточно правильным. Он объясняет это тем, что с конца 1820-х гг. в формировании массовой документации государственного происхождения наступил новый этап, связанный с общей тенденцией к кодификации законодательных актов, с укреплением законности и порядка [2].

В 1860-е гг. церковный демографический учет попал под контроль губернских статистических комитетов, которые готовили данные для публикации в ежегоднике «Движение населения», издаваемом Министерством внутренних дел с 1867 г. Под давлением гражданской администрации метрические сведения были доведены до необходимой точности, в которой нуждалось правительство для удовлетворительного осуществления функций государственного управления [3].

Используя работы зарубежных авторов, Б.Н. Миронов отметил также, что в европейских странах метрические данные стали более или менее надежными также с 1830-х гг.

С середины 1990-х гг. в рамках российско-голландского проекта «Интегральная история на локальном уровне» началось использование первичных данных метрических книг отдельных сельских приходов Тамбовской губернии [4], что дает нам возможность определить специфику демографического поведения горожан в сравнении с сельскими жителями региона.

Первая попытка анализа метрических книг городов Тамбовской губернии была предпринята в 1856 г. Тогда по распоряжению Тамбов-

ского губернского статистического комитета в духовную консисторию были направлены чиновники, преимущественно имевшие высшее образование, «для извлечения из метрических документов сведений о числе родившихся, умерших и браком сочетавшихся». Они были снабжены необходимой формой, «удовлетворявшей всем требованиям ведомости о народонаселении» для извлечения метрических сведений с 1850 г. По результатам проверки эти чиновники сделали вывод, что метрические книги содержат много недостатков и не могут служить хорошими источниками, особенно для научной обработки.

Нами были сделаны следующие наблюдения об особенностях отдельных разделов метрических книг на основе изучения (г. Моршанск).

Учет родившихся велся отдельно для младенцев мужского и женского пола. В конце каждого месяца подводился общий итог. Судя по метрикам, крещение, как правило, записывалось на следующий день после рождения, редко – через день. Столь малый интервал между рождением и крещением с позиций здравого смысла вызывает сомнения и предположение о том, что священник произвольно записывал дату рождения, механически вычитая день-два от даты крещения. Поэтому метрические даты рождения нужно обязательно корректировать.

До 1831 г. при регистрации рождения ребенка указывались только данные отца, матери – для незаконнорожденных детей. С 1831 г. в графе «У кого родился» стали указывать не только сведения об отце, но и о матери ребенка, а также от какого по счету брака он рожден.

Священники в основном выполняли требования, связанные с определением сословной принадлежности родителей. Иногда записывалась профессия отца, например, «цеховой», «церковный сторож», «учитель», «служащий почтовой конторы». Священники подробно указывали место жительства родителей, особенно иногородних. Сведения о профессиях и официальном месте жительства являются специфическими для городских метрик (в отличие от сельских) и позволяют уточнять профессиональную структуру городского населения, источники его миграционного пополнения.

Не всегда соблюдалось единообразие в способе внесения и обозначения различных случаев рождения. Так, в одних книгах незаконнорожденные и подкинутые младенцы обозначались добавлением этих слов под именами родившихся, в других – в графе, где обозначались имя и сословная принадлежность матери. Но чаще священники указывали незаконность рождения сразу в обоих графах. То же самое относилось и к близнецам.

Особое внимание при регистрации священники обращали на законность рождения. Причем незаконными считались не только дети незамужних и вдов, но и рожденные в браке, но при отсутствии по каким-либо причинам мужа матери. Особое внимание уделяли родившим солдатам, поскольку их дети принадлежали военному ведомству.

В нарушение правил в раздел «О родившихся» вносились сведения об обратившихся в православие из других христианских и нехристианских исповеданий (для них существовал особый отдел). С одной стороны, записи о крещении взрослых в общем разделе о крещениях нарушают статистику родившихся детей. С другой стороны, они ценны тем, что фиксируют проживание в городе людей, которые зачастую не попадали ни в какие другие документы первичного учета. Сведения об их прописке, а также данные о восприемниках ценны указанием на источники пополнения населения города, на их житейские связи в других регионах и разных сословиях.

В метрических книгах встречаются записи о рождении детей, у которых один из родителей принадлежал к другому вероисповеданию.

Как правило, имена при крещении давали по святым, но встречались редкие имена: у священника – дочь Людмила, у дворян – Лариса, Юлия, Маргарита, Клавдий. В сельских метриках первой половины XIX в. такого не было. Подобные имена отразили некоторую модернизацию сознания части горожан.

Во второй части метрических книг, где регистрировались бракосочетания, нередко для обозначения семейного положения вступающих в брак использовались двойные записи, например, «девица – первым браком», «холост – первым браком», а иногда семейное положение не обозначалось совсем. Не соблюдалась четкая форма записи брака, использовались разные обозначения жениха и невесты: отрок, девица, первым браком, первобрачные, вдова, вдовец.

Только с 1828 г. начали писать полностью имя, отчество, фамилию невесты, имя, сословную принадлежность отца или матери, ее возраст (до этого такие данные были обязательными только для жениха), а также указывать, в какой по счету брак вступают супруги. С 1831 г. подробно указывали место жительства невесты до брака, при повторном браке вдовы – время смерти мужа.

Отклонения от норм брачного права (возраст и родственные связи вступающих в брак) при изучении метрических книг Моршанска первой половины XIX в. не зафиксированы. Источников, свидетельств-

вующих о нарушении брачного права («Книги для записи браком сочетавшихся» или «Обыскные книги») обнаружено не было.

С 1858 г. в разделе «О бракосочетавшихся» стали полностью указывать сословную принадлежность, имя, отчество, фамилии жениха и невесты, их вероисповедание, номер брака, возраст, поручителей от жениха и от невесты, их сословную принадлежность, имя, отчество, фамилии и место жительства, кто совершал таинство.

Законодательство очень строго регламентировало расторжение брака. Разрешение на развод давалось Тамбовской духовной консисторией. Запись о разводе, его причине и наказании производилась рядом с записью о браке. Если брак был заключен в другом приходе, то при повторном браке указание о разводе отдельно вносилось в графу со сведениями о вступавших в брак.

В разделе «Об умерших» сведения в метрики вносились по определенной форме: номер умершего отдельно по полам, сословная принадлежность, имя, отчество, фамилия, возраст, причина смерти, кто исповедовал и причащал, кто совершал погребение и где погребен умерший. Подсчет умерших велся помесечно. Священники практически его не нарушали.

Среди недостатков можно отметить то, что в третьей части метрических книг часто неясными цифрами отмечался возраст умерших, годы умершего мужчины нередко выставлялись в женской графе и наоборот. Возраст смерти обычно округлялся и указывался приблизительно.

В метрических книгах учитывали только умерших окрещенных младенцев. Отпевали на второй-третий день после смерти.

Произвольно и бессистемно указывалась причина смерти, одни и те же болезни обозначались по-разному. Как правило, у детей писали в качестве причин смерти понос, колики, боль в животе, рвоту, воспаление в животе, боль в горле, горловую болезнь, удушье, «недоносок», «от слабости». Встречались экзотические записи, например, «английская боль». Взрослым в графе «От чего умер» записывали такие причины, как понос, кровавый понос, колики, колотье, воспаление в животе, простуда, удушье, воспаление, спазмы в горле, паралич, припадок, сухотка, «старость и дряхлость», «натуральная».

С 1858 г. священники стали указывать причины смерти, особенно для взрослых, более квалифицированно, в соответствии с уровнем развития медицины того времени: апоплексический удар, а не боль в груди, белая горячка (вместо «винопитие»), геморрой, воспаление легких, катар в легких или печени, подагра, прилив крови к голове, разрыв

легкого, рак. У детей встречаются такие записи, как коклюш, а не кашель, грыжа, родимец и др.

Такое разнообразие записей причин смерти, вероятно, зависело от возраста, уровня образованности, «продвинутости» священника. Например, священник Вознесенской церкви Д. Солертинский указывал причины смерти для умерших в 80-90 лет (удушие, удар). И в то же время другой священник той же церкви Ф. Воздвиженский для всех умерших в возрасте старше 50 лет писал «натуральной», или «от старости».

Подробные записи причин смерти и места жительства умерших позволяют выяснить причины эпидемий. Как правило, они «завозились» извне.

В конце метрической книги каждого прихода прилагалась итоговая ведомость, составленная по определенной форме. Часто такие ведомости содержали сведения, не соответствовавшие данным самой метрической книги, так что при проверке этих итогов оказались значительные различия между числовыми данными.

С 1857 г. итоговые ведомости метрических книг стали содержать более подробные сведения, с учетом сословной принадлежности родившихся, вступивших в брак и умерших. В них фиксировались рожденные законно и незаконно, подкидыши, а также двойни, тройни, умершие естественной или насильственной смертью. Но сохранились такие ведомости только в Софийском соборе Моршанска.

Метрические книги предоставляют некоторую информацию об имущественном положении крестьян после реформы 1861 г. В них встречаются записи: «безземельный крестьянин», «крестьянин-собственник», «временнообязанный крестьянин».

Таким образом, метрические книги при тщательном изучении и корректировке данных являются приемлемым первичным источником для изучения демографических процессов на локальном уровне.

Примечания

1. Антонова И.А. Метрические книги XVIII – начала XX в. в России: Источниковедческое исследование: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998; Владимиров В.Н., Плудунова В.В., Силина И.Г. Метрические книги как источник по истории народонаселения Алтайского края // Компьютер и историческая демография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 137-164; Дьячков В.Л., Канищев В.В., Орлова В.Д. Место метрических книг в комплексе источников по исторической демографии России XVIII – начала XX в. / Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник:

сб. ст. / под ред. В.Н. Владимирова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 48-84; Маркова М.А. Первичные документы по учету населения С.-Петербургской губернии в XVIII – первой половине XIX в. как исторический источник (метрические книги, исповедные росписи и ревизские сказки): автореф. дис... канд. ист. наук. СПб., 2005; Миронов Б.Н. О достоверности метрических ведомостей – важнейшего источника по исторической демографии России XVIII-начала XX вв. // Россия в XIX-XX вв.: сб. ст. к 70-летию со дня рождения Р.Ш. Ганелина. СПб., 1998. С. 41; Миронов Б.Н. Исповедный и метрический учет в имперской России / Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник: сб. ст. / под ред. В.Н. Владимирова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 8-47; Сарафанов Д.Е. Материалы церковно-приходского учета населения как источник для изучения численности и демографического развития населения Барнаула в XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2006; Смирнова С.С. Демографические процессы в Олонецкой губернии в XIX – начале XX вв. Опыт компьютерного анализа метрических книг: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002; Палли Х.Э. Методика использования метрик в историко-демографических исследованиях // История СССР. 1982. № 1. С. 87-93; Хабарова О.В. Информационный потенциал метрических книг Севастополя первой четверти XIX в. (характеристика базы данных) // Круг идей: алгоритмы и технологии исторической информатики: труды IX конф. Ассоциации «История и компьютер». М.; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005.

2. Миронов Б.Н. О достоверности метрических ведомостей – важнейшего источника по исторической демографии России XVIII-начала XX вв. // Россия в XIX-XX вв.: сб. ст. к 70-летию со дня рождения Р.Ш. Ганелина. СПб., 1998. С. 41; Миронов Б.Н. Исповедный и метрический учет в имперской России / Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник: сб. ст. / под ред. В.Н. Владимирова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 8-47.

3. Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XVIII-XIX вв. М., 1979. С. 145, 185.

4. Where the twain Meet. Dutch and Russian Demographic development in a comparative perspective. 1800-1917. Groningen – Wageningen, 1998. P. 125-130.

НАЧАЛО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В РОССИИ И ДУХ АВАНТЮРИЗМА

Р.Б. Кончаков, В.В. Баранова

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

В середине XIX в. Россия приходит к переходному моменту, как в экономике, так и во всей жизни страны в целом. Отличительной чертой этой эпохи стал ряд коренных реформ, изменивших как социально-